

Пока он сидел на корточках у моря и отрешенно смотрел вдаль, перед ним возникло чье-то чермалыковое личико и до смерти его напугало. Не успел он опомниться, как эта голова с размаху прижала его к песку. Затем это чумазое лицо принялось неистово шарить в поисках его губ и впилося в них диким поцелуем.

Чжоу Цзюэ от такой внезапной выходки растерялся, но очень скоро сообразил, что это её очередное внезапное нападение. Он устало усмехнулся — к подобному он уже успел привыкнуть. И тогда он закрыл глаза, постепенно умиряя её пыл и отвечая на страсть.

Он знал: если не направлять её, поцелуи могут стать слишком бурными, и в конце концов пострадает он сам. Поэтому он мягко вёл её, делая ласки более нежными и глубокими. Их губы постепенно сплетались воедино, казалось, само время остановило свой бег.

Поначалу оба понятия не имели, как надо целоваться, к тому же он вовсе не горел желанием позволять ей это делать. Нередко они разбивали друг другу губы в кровь, а стоило ей почувствовать боль, как она норовила вцепиться в него зубами — и тогда ему приходилось ещё хуже.

Ему оставалось лишь отвечать на поцелуи, направляя её. К тому же, хоть эта любительница целовашек и была черна как смоль, губы у неё были мягкими и сладкими, а фигура и вовсе заставляла кровь приливать к голове. Каждый раз, даже когда он противился, реакция собственного тела приводила его в смущение и терзала; порой ему и вправду хотелось сдаться на её милость. Но всякий раз она ограничивалась лишь поцелуями и даже не пыталась его ласкать.

Сейчас же он отчаянно жаждал, чтобы она прикоснулась к нему. Ему было невыносимо тяжело, однако проявить инициативу он никак не мог. Вот вернутся они на его территорию — тогда он уже не будет занимать столь пассивную позицию. Уж тогда-то он ни за что не позволит ей целовать себя, ни за что...

Оуян Фэйфэй безумно любила целоваться. Она собиралась наверстать все поцелуи за восемнадцать лет прошлой и нынешней жизнью. Она вечно подстерегала его и прикладывалась к губам, не спрашивая, хочет он того или нет. Ха, подума подумать только: она ведь спасла ему жизнь, так что ж такого в том, чтобы позволить ей поцеловаться? Подумаешь, велика важность!

Мелкий сорванец, неужто сестрица зацеловала тебя до покорности? Подрастет — займется кое-чем ещё. А пока он еще мал: поначалу, бывало, поцелуешь — а он золотые слезки роняет, чего уж говорить про попытки пощупать грудные мышцы или пресс. Как-то раз она не удержалась и провела рукой пару раз, так парень перепугался и зарелугал в три ручья! Эх, совсем еще сопляк.

В самый разгар того, как она заставляла его сладко мычать от поцелуев, над головой раздался гул — это летел вертолет. Оуян Фэйфэй замерла, наклонилась и посмотрела на покрасневшего с ног до головы юношу под собой. Эх, судя по всему, это за ним. Больше

целоваться не получится. При этой мысли она решила бросить все предосторожности и напоследок нацеловаться и наласкаться вволю.

Старейшина Чжоу поднял на уши всех людей, пока они не установили точные координаты, и со всеми возможными опасениями день и ночь мчался сюда. Заметив этот остров, он сразу же схватился за бинокль. Сперва на пляже виднелась лишь черная точка, но по мере приближения его глаза начали болеть пуще прежнего, а сердце сжималось от жалости. Его маленький внук — и надо же, какая-то черномазая бестия придавила его и нагло целует! Видя, что внук совершенно не в силах сопротивляться — Ох ты ж мерзавец, я тебе устрою! — старик от гнева даже зашевелил усами, трясущимся пальцем указывая вперед, и от ярости лишился дар речи.

Отец и мать Чжоу следовали рядом, сгорая от беспокойства, но не смея броситься на помощь. Когда вертолет подлетел совсем близко и завис в воздухе, открывшаяся сверху картина заставила их мир погрузиться во тьму. Мать Чжоу тут же разрыдалась: о боже, через что же пришлось пройти её мальчику за этот месяц! Не смея даже думать о худшем, она поспешно скинула вниз канат и соскользнула следом.

— Прекратите!

— Руки прочь!

— Оставьте моего сына в покое!

Три крика отчаяния звучали так, будто люди были готовы сойти в могилу прямо на месте или разом потеряли всех предков.

Чжоу Цзюэ лишь тогда кое-как пришел в себя. Ему показалось, что он слышит голоса деда и родителей, но прямо сейчас он чувствовал себя просто великолепно. Как же хорошо! Она касалась его... Он хотел еще, ему было мало!

Для семейства Чжоу эта сцена выглядела так, будто их младший сын либо сошел с ума, либо повредился рассудком — от увиденного они едва не падали замертво.

Спотыкаясь, мать Чжоу подбежала и со злости оттащила в сторону эту чумазую фигуру:

— Ты, ты, ты... Кто ты такая и что вытворяешь с моим Цзюэ-эром?!

— Не видите разве? Целую я его, — раздался нежный, капризный голосок, заставивший всех присутствующих на мгновение остолбенеть. Голос-то детский, но неужто это человеческая речь?

Старейшина Чжоу от злости даже нервно усмехнулся. Кого только не повидал он на своем

веку, но чтобы встретить девицу столь бесстрашную и толстокожую — это поистине впервые.

— Как ты можешь так поступать с Цзюэ-эром? Он сейчас не в себе, как ты смеешь пользоваться его беспомощностью? Ему же только исполнилось восемнадцать! — причитала мать Чжоу, роняя горькие слезы.

Оуян Фэйфэй на секунду онемела. Поистине — муж и жена одна сатана, чуть что — сразу пускают в ход золотые слезки.

Тем временем Чжоу Цзюэ окончательно протрезвел, поспешно отполз в сторону и заслонил Оуян Фэйфэй спиной:

— Дедушка, папа, мама... Как вы здесь оказались?

<http://bllate.org/book/22228/2320319>